

ИКОНЫ МИРОВОГО ТРИллЕРА

ЭЛИЗАБЕТ
СИЛВЕР

ОБРЕЧЕННАЯ

МОСКВА
2018

УДК 821.111-312.4(73)

ББК 84(7Coe)-44

C36

Elizabeth L. Silver

THE EXECUTION OF NOA P. SINGLETON

Copyright © Elizabeth L. Silver, 2013. This edition published by arrangement with InkWell Management LLC and Synopsis Literary Agency

Художник — *Вячеслав Коробейников*

Силвер, Элизабет.

C36 Обреченная / Элизабет Силвер ; [пер. с англ. Н. В. Некрасовой]. — Москва : Эксмо, 2018. — 384 с.

ISBN 978-5-04-095114-7

Роман «Обреченная» практически сразу же стал «книгой месяца» по версии Amazon и «книгой лета» по версии Kirkus Review, затем – «книгой года» по версии Amazon. Сама Опра Уинфри, «богиня» американских масс-медиа, включила роман в свой рейтинг «Десять книг для обязательного прочтения». А чуть позже права на экранизацию романа приобрел легендарный продюсер и режиссер Роберт Земекис.

Десять лет назад Ноа Пи Синглтон была приговорена к смертной казни за убийство первой степени. Все эти десять лет адвокаты пытались добиться пересмотра ее дела или отмены смертного приговора, но не смогли ничего сделать – несмотря на то что приговор был вынесен на основании лишь косвенных улик. Сама Ноа ни разу не признала свою вину, но и не настаивала на своей невиновности. До казни оставались считанные месяцы, когда приговоренную внезапно пришел навестить еще один адвокат, которого наняла... мать жертвы. По его словам, теперь она выступает против смертной казни и хочет, чтобы убийцу дочери помиловали. Однако ей необходимо знать всю правду о том, что и как случилось десять лет назад...

УДК 821.111-312.4(73)

ББК 84(7Coe)-44

© Перевод на русский язык,

Н.В. Некрасова, 2014

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2018

ISBN 978-5-04-095114-7

Посвящается ТК

Несправедливость перенести сравнительно легко; что нас ранит по-настоящему — это справедливость.

*Г.Л. Менкен*¹

¹ Менкен Генри Льюис (1880—1956) — американский журналист, эссеист, сатирик.

В этом мире вы либо хороший, либо плохой. Если же не известно, какой вы, тогда суд, или школьный учитель, или родители должны навесить вам ярлык прежде, чем вы успеете определиться сами. Серая нейтральная полоса, эта вязкая неверная почва, где протекает основная часть нашей жизни, — на самом деле только временная обитель, вроде материнского чрева или чистилища. Эта неопределенность пустой и бесцветной пеленой нависает над каждым, летит в небе, превращая ваши страхи в дымные письма. Вы всегда осознаете, что это — там, вверху, но не знаете, как от него избавиться. Это ждет вас, терпеливо, пока однажды не затянет вас в свою воронку, и больше вы уже не сможете колебаться между черным и белым, физиком и лириком, учеником или учителем. В этой точке вам придется выбирать ту или иную сторону жизни. Побежденный или победитель. И когда вы это сделаете, страх отступит так же незаметно, как незаметно река впадает в море. Со мной это случилось 1 января 2003 года.

* * *

Меня зовут Ноа Пи Синглтон. Мне тридцать пять лет, и я нахожусь в женской тюрьме штата Пенсильвания. Мой идентификационный номер 10271978.

Я — единственная дочь «Мисс тинэйджер Калифорнии» 1970 года и случайного донора спермы, которого моя мать, как утверждает, даже по имени не помнит. Я была второй ученицей в старших классах, где занималась легкой атлетикой и писала для школьной газеты. Я вела собственное расследование насыщенного наркотрафика в студенческом кампусе. Я изучала биохимию и технологию в Университете Пенсильвании и подрабатывала старшей официанткой в ресторане и на роллердроме, была внештатным преподавателем, репетитором по математике, ассистентом в научно-исследовательской лаборатории. Я с некоторым преувеличением могу сказать, что помню, как начала ходить. У меня был один серьезный бойфренд. Процесс, в результате которого я пишу эти строки, длился всего пять дней, хотя присяжные совещались еще четыре дня. Понадобилось всего несколько человек из пула присяжных, чтобы выбрать тех двенадцать, которые приговорили меня к смерти через пять кратких месяцев после суда. Их имена впечатались в мою память так же, как запах моей бабушки (нафталин и очиститель для ювелирных изделий), привычка моего первого бойфренда выкуривать сигарету сразу же после полового акта и ощущение выпуклости латинских букв на моем университетском дипломе под подушечкой большого пальца.

Увы, в заключении моя память начинает тускнеть. События путаются на полках лет, и я не всегда уверена, что расставляю их в должном порядке. Я знаю, что одиночество и отсутствие контакта с людьми — очевидные виновники угасания моей памяти, так что было бы неплохо порой разговаривать хотя бы с другими заключенными. Нас, таких, слишком мало.

Когда я прибыла сюда, во всех Соединенных Штатах нас, женщин, приговоренных к смертной казни, было пятьдесят и одна. Убрать одну — и можно устраивать национальный конкурс красоты, или, если считать Пуэрто-Рико и Гуам, — прибавить еще двоих. Теперь нас пятьдесят восемь. И конечно, половина из этих пятидесяти с хвостиком женщин утверждают, что невиновны. Они всегда пытаются свалить свою вину на кого-то другого. Призрачного врага, который их подставил, призрачный анализ ДНК, который каким-то образом испарился из папки с уликами, призрачного сообщника, чей отягченный манией величия разум стоит за всей операцией. Но реальность в том, что значение имеет лишь один из фантомов. Штат Пенсильвания — хозяйка самого большого дома с привидениями в стране. Она принимает нас с конвейера правосудия и пакует в камеры смертников, словно мы всего лишь китайские болванчики, обреченные сидеть в одиночных камерах, качая головой туда-сюда, туда-сюда, туда-сюда целую чертову вечность, не позволяя прерваться этому тошнотворному, выворачивающему душу движению. Смертный приговор словно высасывает равновесие из наших мозгов, срывает нас с вестибулярных якорей, и теперь все вокруг нас, куда ни плюнь, колеблется.

Я вижу перед собой пять серебряных полос — тремя футами дальше расстояния вытянутой руки. Они двоятся у меня в глазах, превращаясь в десять витков спирали, тюремную робу, нотный стан. Я раскрываю руку, чтобы посмотреть на пересечение линий жизни у себя на ладони, и они превращаются в неизвестные улицы на карте города. Города, который я уже едва узнаю. Внешние покровы моей сухой руки сползают, подоб-

но гофрированной бумаге, перед моими глазами. Пять моих трясущихся пальцев становятся десятью, двадцатью, иногда сорока... Эта расплывчатость не кончается, что бы с нами ни делали, сколько бы апелляций ни подавали наши адвокаты (или ни утешали нас этой ложью), сколько бы посетителей к нам ни приходили, сколько бы журналистов или телевизионщиков ни пытались выжать профит из наших жизненных историй. Пенсильвания редко убивает нас, словно бы подражая моей суверенной Калифорнии в ее постоянной одуряющей посредственности. Мы просто сидим здесь, пока не умираем от естественных причин: старости, прячущейся под личиной различных вариантов рака — рака молочной железы или рака яичников, — люпус-нефрита, цирроза, гастрита, диабета, самоубийства...

Итак, я нахожусь здесь, дабы с бесполезной отвагой обличить пороки моего прошлого. Я знаю, что я это сделала. Штат знает, что я это сделала, хотя почему я это сделала — всем всегда было наплевать. Даже мои адвокаты знали, что я это сделала, с того самого момента, как я опустошила свой банк звонкой монеты из глиняной свиньи-копилки, чтобы оплатить их счета. Я была в здравом уме и трезвой памяти и «накачалась» всего лишь чашкой чая «Лемон Зингер» без кофеина, когда нажимала на спусковой крючок. После приговора я никогда этого и не отрицала.

ШЕСТЬ МЕСЯЦЕВ
ДО ДНЯ «X»

Глава 1

Все это началось за шесть месяцев до дня «Х», когда Оливер Стэнстед и Марлин Диксон посетили женскую тюрьму штата Пенсильвания. Оливер нетерпеливо ворвался внутрь, словно неопытный серфер, отчаянно пытающийся не упустить вторую волну. Его невинную физиономию обрамляли безвольные жидкие темно-каштановые волосы, стриженные в стиле минимум десятилетней давности. (Я знаю, поскольку это была самая модная стрижка, когда меня арестовали.) Одинокая ямочка дырявила его подбородок.

Я находилась в крохотном конвойном помещении с телефонной трубкой, куда меня притаскивали каждый раз, когда ко мне приходил посетитель. А они приходили часто, и я пыталась угадать, в чем дело на этот раз. Заметка для местной газеты? Материал для сериала новостного телеканала? Договор на книгу? Но когда Оливер Стэнстед в двадцатый или двадцать пятый раз набрал воздуха в грудь — твердо, но тревожно, уверенно, но нервно, — я поняла, что мои ожидания потребуют быстрой перенастройки.

— Ноа, не так ли? — сказал он в самую трубку. — Ноа Синглтон?

Это аристократическое британское «Ноа, не так ли?» с повышением интонации к концу фразы — словно высокомерный вопрос в один слог. Самоуверен-

ность и наивность в этом одном суперчетком приветствии.

— Мое имя Оливер Стэнстед, я адвокат из Филадельфии, — сказал он, глядя в свой маленький конспектик, написанный красными чернилами. — Я работаю на некоммерческую организацию, которая представляет интересы заключенных, приговоренных к смертной казни, на различных стадиях процесса подачи апелляции, и совсем недавно мне поручили ваше дело.

— Хорошо, — ответила я, глядя на него.

Он был не первым наивным адвокатиком, который пытался использовать меня как трамплин в своей карьере. Я привыкла к таким неожиданным визитам: после ареста приходили местные репортеры, после приговора — репортеры от государственных телекомпаний. А позже — год за годом, полные разочарований, — являлись назначенные апелляционным судом адвокаты, и меня затягивал бесполезный круговорот апелляций, где никто не слушал моих объяснений, что я не хочу больше бороться, что просто хочу поскорее дожидаться 7 ноября. Всем этим адвокатам, как и этому, новому, было наплевать на мои желания.

— Так чего же вы от меня хотите? — спросила я. — У меня срок апелляции уже истек. Меня уничтожат в ноябре. «Первая женщина на электрическом стуле за много лет». Вы ведь читали новости, не так ли?

Мистер Оливер Стэнстед выдавил очередную улыбку на смену той, которая сползла с его лица, когда я начала говорить. Он провел пятерней по волосам, отбросив их набок, пытаясь сохранить этакий облик бескорыстного адвоката, жесткого противника смертной казни, вступившего в брак с Фемидой вместо нормаль-

ной женщины. И, как и у прочих защитников, которые приходили ко мне перед тем, как, повзрослев, обратиться в республиканство, даже его голос был под стать его прическе и костюму: покорный, как утихший океан, словно он только что вышел из материнской утробы, взыскуя себе некоммерческой занятости и однокомнатной квартирки в придачу. Я тут же возненавидела его.

— Ну, если не учитывать тот факт, что вы уже не можете подавать апелляции, я поболтал с некоторыми вашими адвокатами и...

— С какими именно? — подскочила я. — Со Стюартом Харрисом? С Мэдисоном Макколлом?

Я почти десять лет просидела в этой келье, выслушивая разнообразный убедительный адвокатский треп о назначенных судом защитниках, которые, по мнению очередного адвоката, накололи меня.

— Скажите вот что, мистер Оливер Стэнстед, почему я должна сидеть здесь и ломать их карьеры ради того, чтобы вы почувствовали себя борцом за правду? — спросила я.

Посетитель снова улыбнулся, словно я сказала ему комплимент.

— Я говорил с мистером Харрисом о некоторых моментах, имевших место во время вашего процесса.

— Харрис — пустое место. Что насчет Макколла?

Оливер кивнул, и я поняла, что он подготовился к этому визиту.

— К сожалению, он уже покинул нас.

— Покинул? — Я рассмеялась. — Не надо эвфемизмов. Оглянитесь вокруг. Не думаю, чтобы кто-нибудь из нас заслуживал смягченных формулировок. От чего он умер? От СПИДа? Я знала, что он мальчик — с кем попало спальчик. Может, сифилис?